

Марина Бородицкая
КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ
Стихи

Серия «Поэтическая библиотека»

В новую книгу известного поэта и переводчика Марины Бородицкой вошли избранные стихотворения из ранее вышедших сборников и стихи последних лет, уже знакомые читателю по подборкам в литературных журналах, а также публикуемые впервые. В стихах Бородицкой — улыбчивых и горьких, жизнерадостных и пронизанных нежной иронией — всегда есть свежесть мысли и яркость чувства, а её интонационную поэтику отличает оригинальность рифмы, живой разговорный язык. По словам Дмитрия Сухарева — «Всё тут точно, всё достоверно, всё чарует...».

мари́на боро́дицкая

кру́тится-верти́тся

стихи

О СТИХАХ МАРИНЫ БОРОДИЦКОЙ

Это удивительное сочетание мужества, нежности и абсолютной, звонкой ясности смысла. Марина умеет взглянуть окрест взглядом начисто лишённым поэтического дурмана, той бормочущей кисеи, в которую обычно запелёнуто сознание робких поэтов. Она как бы не зависит от поэтических средств, хотя владеет этими средствами весьма умело.

Дина Рубина

Горьких, саднящих, заплаканных стихов в книге Бородицкой не меньше, чем улыбчивых, а то и вызывающе хохочущих. Зачастую (если не сказать — как правило) это одни и те же стихи...

Нет ничего смешнее надежды всё-таки выкупить из рабства Эзопа, добиться сказочной и никого не ранящей любви, превратить старость в детство, сохранить при любой погоде грациозную статью Керубино, спасти короля Лира и графа Глос-тера... Но оказывается, всё это можно. То есть нужно. Нужно до тех пор, пока не оставила поэта дурацкая привычка быть счастливой.

Андрей Немзер

Стихи Марины Бородицкой ни на что не похожи, в них — оригинальность живой рифмы, объёмной, геометрической, не всегда рамочной, часто внутренней, благодаря которой текст как бы распускается, расцветает изнутри. Эта неуловимая рифма наращивает дополнительные эмоциональные оболочки и словно окутывает слова светом.

Анастасия Петрова

Школярское озорство, нежная ироничность, какая-то языческая жизнерадостность и разговорные по преимуществу конструкции предложений — вот интонационные особенности поэтики автора... Есть ощущение гармонии, выращенной из разочарования. Преодолённого интонацией.

...Стихи эти сохраняют «стойкость веселья» вопреки всему, что встаёт за строками: расставанию, боли, тоске. Традиционность формы не мешает Марине Бородицкой добывать новые смыслы, интонационно освежать старые; в лучших стихах вспыхивает новорождённая мироощущения, не инер-ционного, а созревшего внезапно, в момент написания.

Анастасия Ермакова

Произнесём почти забытое, давно охаянное слово: очарование. Всё тут точно, всё достоверно, всё чарует. И будни окликают вечность.

...Предельно жёсткий взгляд, ледяной, не оставляющий шанса. И он же волшебным образом обогрет, так что в конечном счёте верх всё-таки берут сияние, и упование, и страсть.

Дмитрий Сухарев

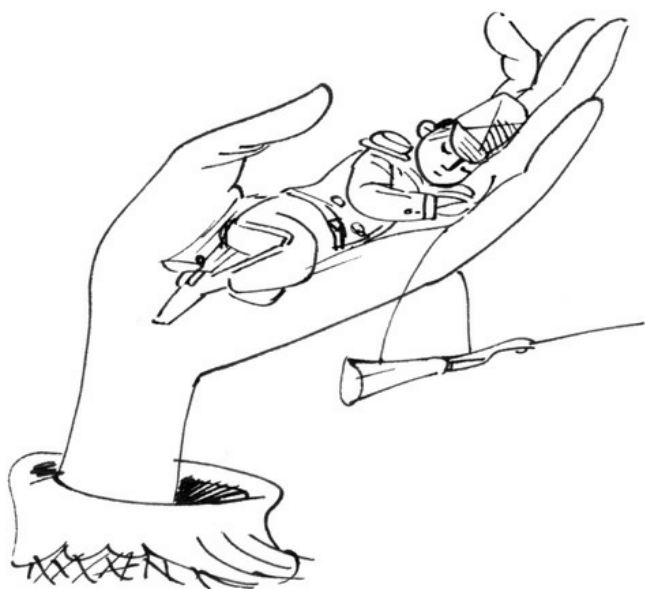
Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать поэзию Марины Бородинской... я остановился бы на таком варианте — штучность.

Леонид Костюков

Я РАЗДЕВАЮ СОЛДАТА

1994

***

Какой недужный, бледный вид
У наших первых публикаций!
В них зябко жмётся алфавит,
Боясь о воздух обстрекаться.

У переносенных детей
От недостатка кислорода
Ты видел, лекарь-грамотей,
Синюшность этакого рода.

О, этот страх, что вышел срок,
Стажёр с улыбкой крокодила
И сонной нянечки упрёк:
«Э-э, матушка! переходила...».

***

Опять, опять дворами, вдоль помоек,
Обиду прерывисто дыша,
Вдоль жёлтеньких бахрушинских построек
Без спросу загуляется душа.

Отброшена взыскательной любовью,
Она утянет тело в те края,
Где в детстве научили сквернословью,
Где не смыкались школа и семья,

Где с крыш зимой съезжали, застревая
На жёлобе, — и знали наперёд,
Что вывезет московская кривая,
Бахрушинская лихость пронесёт...

И вывезла! до самых новостроек,
И пронесла — над самой пустотой!
Да фиг теперь найдёшь среди помоек
Хотя б клочок уверенности той.

***

Дюймовочка, Снегурочка —
Изгваздана в снегу,
Бахрушинская дурочка,
В слезах домой бегу.

А дома — ноты стопкою
Да книжные тома,
А дома спросят: «Кто тебя?» —
А я скажу: «Сама!».

«Вольно ж тебе с хулиганьём!» —
В сердцах воскликнет мать,
Но дед покажет мне приём,
И я пойду опять...

А у татарки-дворничихи
Трое татарчат,
Они с утра в окне торчат
И гадости кричат.

А Санька, белокурый бог,
Заедет мне под дых!
А что приём, когда врасплох?
И мне никак не сделать вдох,
Не добежать до них...

Но крыша возле чердака
Звенит, как зыбкий наст,
Но чья-то грязная рука
Скатиться мне не даст, —

И я вдохну все звуки дня,
Весь двор — со всех сторон,
И никогда уж из меня
Не выдохнется он!

***

Гляжусь я в память: что мне зеркала!
Да, в память, в перевёрнутый бинокль,
Нацепленный на временную ось.

Вот это юность — в лаконичной юбке
Шагает переулками: душа
И тело — точно певчие пружинки.

А дальше — детство, вот оно сидит
В углу за шкафом, утирая сопли
Полою мушкетёрского плаща.

А дальше? Несомненно. Вон оно!
Почти за горизонтом! Меньше точки!
Так далеко, что не хватает глаз!

Там тоже я, но только в прошлый раз.

1980

ИЗ КИТАЯ

Треск резинки — и взлетает
Резкий, хрупкий вертолёт.
— Пап, откуда?! — Из Китая.
Пятьдесят девятый год.

Зонтик лаковый, бумажный
В трубку толстенькую сжат,
И шуршит на кукле важной
Неснимаемый халат.

Круглый веер с веткой дуба:
Шёлк натянут — в пальцах зуд,
Но сияя белозубо,
Кеды взнузданные ждут!

Воспитательница Сяо
В детской книжице жила:
С детских слов письмо писала,
Тонкой кисточкой вела.

С папой книжку полистаю,
Суну нос в цветочный чай...
Я когда-нибудь слетаю
В этот праздничный Китай!

***

Заземлите меня, заземлите,
я больше не буду!
Ну, смеялась над физикой —
так не со зла ж, не назло!
Я не верила, что электричество
водится всюду,
Чуть притронулась — и затрещало,
и всю затрясло.

Кареглазый учитель, явись
из глубин лаборантской,
Что-нибудь отключи, расконтачь,
эту дрожь пресеки!
Никогда я поступок свой не повторю
хулиганский —
Не дотронусь
до юной твоей долгопалой руки.

Заземлите меня!
Если надо — землёй закидайте:
Я читала, ударенных молнией
можно спасти!
Ну хотя бы учебник,
учебник по физике дайте —
Там уж, верно, укажут,
куда мне заряд свой нести...

***

Когда-то, когда я была и жива, и права,
И ластилось солнце ко мне на последнем уроке, —
И сами, как в сказке, меня находили слова,
И сами же строились
в сказочно стройные строки.

А я удивлялась — а я их совсем не звала!
Лениво черкала
в тетрадках для лекций не важных,
В кафе возле липкого от лимонада стола —
На пачке «Столичных»,
на хлипких салфетках бумажных.

Теперь — погляди же, мой глупый,
счастливый мой брат,
Которого ищут слова —
и записывать лень их —
Вот я, разложив безнадежно
бумажный квадрат,
Как чеховский Ванька, стою перед ним
на коленях.

1980

ПЕРВЫЙ КЛАСС

В каморке за шкафом, исконно моей, —
Сестрёнка грудная и мама при ней.

Сестрёнка кряхтит и мяучит во сне.
С отцом на диване постелено мне.

...Опять среди ночи вопьётся в мой сон
Тот сдавленный вой, тот мучительный стон —

«Огонь!» — он кричит, он кричит на меня —
Боится огня или просит огня?

«Огонь!» — он кричит, я его торможу,
Зову и реву и проснуться прошу...

А утром он чайник снимает с огня,
В колготки и платье вдевает меня,

Доводит во мраке до школьных ворот
И дальше, сутулясь, со скрипкой идёт.

УЧИТЕЛЬСКИЙ СОН

Мне как-то снилось: я иду большая,
Как старшеклассник в стайке первачков,
Ладонями небрежно пригашая
Блеск чьих-то лысин и седых пучков.

Я перешагиваю мостовые,
Маячу в небе, как громоотвод,
И тычутся автобусы живые
Горячими носами мне в живот...

Будильник. Транспорт. Снова я зажата,
В лицо мне — спин ворсистая броня.
А милые мои акселераты
Всё дальше вверх уходят от меня.

1980

***

Я когда-то жила от звонка до звонка:
От звонка твоего до звонка.
А теперь телефонная трубка легка
И спокойная медлит рука.

В том нежнейшем июне, в начале начал
Я б могла, как челнок о причал,
Грохнуть тот телефон, чтобы он не молчал,
Чтобы он навсегда замолчал!

...Ах, как трубка легка, как спокойна рука —
Мне б на место того дурака,
Что сегодня живёт от звонка до звонка:
От звонка моего до звонка.

1980

ХОЛОДА

Не выйдет амнистии нам от зимы,
И солнце о нас позабудет.
Читаю, читаю над всеми дверьми:
«Нет выхода». Что ж это будет?

Я помню, я помню, бредя по пустой,
Просвистанной парковой зоне,
Как лопнула склянка с замёрзшей водой,
Оставленная на балконе.

...Здесь лыжники спросят, по насту шурша:
«А эта фигура откуда?»
А это — моя голубая душа,
Принявшая форму сосуда.

1981

***

Возьми меня в ученики
И говори мне: мальчик.
Мне все прозванья велики,
Ты говори мне — мальчик.

Ты в заклинаньях знаешь толк
И в древних тайных чарах,
А я умею клянчить в долг
У лавочников старых!

Когда зайдёшься ты тоской
В своей холодной мастерской
Среди пустых бутылок —

Пускай он будет под рукой,
Пушистый мой затылок.

Себе на кисти отбери
Помягче завитушки,
И краску с пальцев оботри
О кудри на макушке.

Я стану грунтовать холсты,
Проклеивать картонки
И даже, коль захочешь ты,
Оденусь, как девчонки.

Мне только ждать твоей руки,
Держаться к ней поближе...
Возьми меня в ученики.
Возьми меня.
Возьми же!

1981

***

Единобо не было бога в моем доме:
Яриле, Зевсу, Тору — и никому!
И если Символ Веры я перейму,
То я из уст твоих его перейму.

Три тыщи язычников —
    родом из наших мест.
Три тыщи безбожников —
    вышло из наших мест.
И если я когда поцелую крест,
То я на твоей груди поцелую крест.

1980

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Шпагу мне! Я сегодня играю
    влюблённого лорда,
Он прощается с милой,
    поскольку идёт на войну.
Он ей пишет стихами: не плачь, мол,
    решился я твёрдо,
И других не люби,
    а вернусь — я бока им намну.

Впрочем, что я! Отставить! Он пишет:
«Прощай, дорогая,
Слёз жемчужных не трать —
лучше бусы из них нанижи,
Но верни моё сердце,
чтоб радостно шёл на врага я,
И, как ладанку, в бой
мне сердечко своё одолжи...»

Так он весело, лихо, красиво
бумагу марает!
Этот странный, старинный костюм
я примерить должна:
Мне к лицу и трико, и колет,
а жабо натирает,
Мне идёт этот слог и размер,
только рифма тесна...

Ну же! — лихо, легко и отвесно,
как в воду вонзиться,
И свободней, свободнее,
с радостью в каждом персте,
И уже не лицо моё —
облик иной отразится
В этом дьявольском зеркале,
в белом бумажном листе!

Мёртвый лорд подбирает на лютне
мотивчик весёлый,
Триста лет его нет, а гляди,
всё такой же шальной.
...И однажды, одетая мальчиком,
вскрикнет Виола:
«Это ты, Себастьян? Ты воскрес
и вернулся за мной!»

1981

БУДУЩЕМУ СЫНУ

Мне жить так ярко — будто кистью,
Зажатой в детском кулаке:
Дни — в солнце, цвета спелых листьев,
А сны — на лунном молоке.

Как зыбко, милый, как нетяжко!
И я всё проще и звучней
Пою... пою, как неваляшка,
От сладкой тяжести твоей.

1978

***

А был ты не друг, и не сват, и не брат —
Ведро мне донёс от колодца.
И был ты улыбчив, кудряв и женат,
А вспомню — душа рассмеётся:

Какое нас ведро застигло врасплох,
Какая весёлая сила!
И имя твоё означало — «как бог»,
А отчества я не спросила.

И не было к ночи незваных гостей,
И я не сказала «не надо»,
И было у нас девяносто детей —
Аж два пионерских отряда.

Был хлеб из столовой, и чай для питья,
И общие песни для пенья,
И с круглою раной гитара твоя,
Дрожащая от нетерпенья.

Не болью, не варварством, не воровством
Осталось, лишь тайным богатством,
Лишь радости с радостью кратким родством
И кровосмесительным братством!

Лишь стойкость веселья, да скудость вестей
Осталась, да песня-примета, —
Да где-то живут девяносто детей,
Что нашими были всё лето.

***

А. И.

Белокурый, белокрылый
Парикмахер молодой,
О, взгляни на хвост унылый,

На подшёрсток мой седой!

Кипятком наполни чашу,
Трав иранских замеси,
Завари со мною кашу,
Из промёрзших воскреси.

Долгоногий, долговласый,
Пробуждённый до зари,
В зеркалах проделай пассы,
Жизнь из мрака сотвори.

Ножниц хищное круженье,
Солнечная благодать...
Я готова постриженье
И помазанье принять.

И восстав с лицом нахальным,
С невесомой головой,
Покачусь яйцом пасхальным
По московской мостовой!

***

О девочке смуглой и смелой,
О девочке резкой, как стриж,
Мне солнце по крышам гремело,
Шуршала шершавая тишь:

О пряменькой, высоконогой,
С мальчишеской стрижкой в кружок,
О девочке сильной и строгой,
Прекрасной, как точный прыжок.

Все десять литых полнолуний
Она восходила во мне —
Гимнастка, танцовка, молчунья,
И вот я твержу в полусне:

«Любовь моя! Видишь — спросонок
Июльской зари розовой,
Накуксенный круглый совёнок
Расселся в кровати твоей...»

Но нет, её легкая зыбка

Всё так же пуста и чиста,
Сквозит в зазеркалье улыбка
Её негритянского рта,

И я говорю, обеднелый
Загад зажимая в горсти:
«Как девочка, сильный и смелый,
Как девочка, сын мой, расти!»

1984

***

Я раздеваю солдата,
Спящего праведным сном.
Вот кобура уже снята
И гимнастёрка с ремнём.

Я раздеваю солдата —
Как же ещё поступать?
Легче ведь без автомата,
Да и без обуви спать.

Я раздеваю солдата
Прямо-таки до белья.
Знаю, скандалом чревата
Бесцеремонность моя.

Я поднимаю солдата,
Спать уношу без помех...
Боже, всего и труда-то!
Я их раздела бы всех.

ПОЛЬСКАЯ ПЕСЕНКА

Мой единый, коханный, бессонный,
Скоро ль милой меня назовёшь?
А не то я умру некрещёной —
Тяжкий грех ты на душу возьмёшь!

Не любви я прошу, не участия —
Поцелуя да ласки на грош...
А не то я умру без причастья —
Тяжкий грех ты на душу возьмёшь!

Матка Боска! Немножечко воли

Мне позволь в этом мире простом,
А за это в холодном костёле
Пролежу я три ночи крестом.

Пол в костёле камнями мощённый,
И в простудном, бесстыдном жару —
Причащённой, крещёной, прощённой,
Со спокойной душою умру.

1981

***

Американское кино
Ты пересказывал по-польски.
В пустом Смоленске — как хмельно
Кружил нас древний фильм ковбойский!

И слышал сумрачный собор,
И видели со стен монахи
Твой католический напор,
Мои языческие страхи.

О Езус, это был подвох!
Кренился поезд угорелый,
Я знала: главный польский бог
Крылат и носит лук и стрелы.

Я знала: в имени твоём —
Походный стан, хмельная слава,
Ты пел: «Средь гор, средь гор мой дом...»,
В окне Москва вставала справа.

С тех пор средь гор, в твоём краю,
Где может всякое случиться,
Улыбку влажную мою
Ты носишь в ямке над ключицей.

С тех пор, куда бы день ни влёл,
Ко всем занятиям и понятиям
Ношу твой взгляд — как уголёк,
Вот тут, на шее, под распятием.

КАК Я СЕДЛАЮ ЛОШАДЬ

Я сую лошадке трензель,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru